

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЗЫБЧАНЫ

А. Радченко

М. Мухина

Вот и все — расходятся судьбы —
Параллельных дорог череда,
И твои раскаленные губы —
Следом в памяти, навсегда.

На ладонях снег не растаял,
Превратился в кусочек льда —
Это ты свое сердце оставил —
Следом в памяти, навсегда.

Заблестела луна на небе,
Стонут в холоде провода.
Ты, как зимняя, снежная небыль —
Следом в памяти, навсегда...

Л. Федорова

Как проснусь, погляжу я в окно:
Солнце ль светит или дождик идет,
Я приму то, что в жизни дано,
Я приму то, что день принесет.

И, возможно, о нем напишу.
И услышит бумаги листок,
Что в сердечке своем я ношу —
То, что близким понять невдомек.

А. Вагабов

Плачет февраль бестолковый:
Вздумал дождем терзать.
Подлой разлуки оковы —
Некому руку подать.

Птица в окно постучалась —
Снова летит не спеша...
Ты иногда оставалась
Слушать, как плачет душа.

Н. Щипакина

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА ДЮРЕРА

Виденье? Истина? Химера?
Иль Апокалипсиса чад?
Четыре всадника Дюрера
Устало беспощадно мчат
Вперед. Над злобой разрушенья
Как-то невидимо легки
Благославляют обреченье
Две чистых ангельских руки.
Так должно? И под звук аллюра
Молитвой разомкнет уста.
И сумасшедшая гравюра
Вдруг станет радостно проста:
То неземное отречение,
Тот жест, как найденная мысль,
Исполнен тайного значенья
Благословения на жизнь.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Серые глаза. Холодный взгляд.
От двух слов сердечко вниз упало.
Ты — огонь, я — вешняя вода:
Зашипев, вмиг общего не стало.
Время нас по жизни разбросало,
Счастье не воротится назад.
Не смотри так горько и устало.
И во всем ты только виноват.
Сердцу от обиды очень больно,
Не сдержу соленую слезу:
«Я тебя любила больше жизни,
Вот и все. Я замуж выхожу».

С. Чувин

Одни увлекались живой простотой
И в форме любой обличали застой.
Они разводили живые цветы,
Считая их высшим мерилем мечты.
Другие пошли по иному пути:
Законы статичности стали блюсти,
Ценили алмаза холодный кристалл
И все воплощали в недвижный металл.
Конфликт. Но еще не дорос до войны.
По-своему обе породы ценны,
Но очень непросто их всех примирить:
Цветы из металла вы стали бы ценить?

Краток день, и мы об этом знаем,
Приближение ночи не ждем,
Но друг друга молчаньем терзаем
И в минуты тоски не вдвоем.
Боль горькая, и душу не тревожит
Никакая волшебная даль.
Как крыла, руки мертвые сложит
Разделенная с небом печаль.
Но мечту жизнь сама канет в Лету,
Содрогнется земля от тоски
И услышит негромкое: «Где ты?
Мы вчера еще были близки».

Начало есть всему.
Но лучшее из них —
Начало сентября,
Цветов, улыбок, книг.

А если в жизни вам
Однажды повезет
И молодость легко
С началом совпадет,

То дай вам Бог крыла
Любви и теплоты,
Чтоб молодость вела
К урокам доброты,

И теплую ладонь
Поддержки на века,
И трепетный огонь
В глазах ученика,

И чтоб через года
Он тихо повторял:
«Учитель — навсегда
Начало всех начал».

Т. Пожиленкова

ЛЮБОВЬ ТЮТЧЕВА

Две женщины великого поэта,
Как вы любили, как страдали!
Две, созданы из пламени и света,
Вы знали все и все прощали.

По-своему счастливые несчастные
Вы для него являлись
вдохновеньем,
Он понимал, что ваша жизнь
прекрасная
Была великим самоотречением.

Седой и низкорослый старичок,
Он вас любил, и вы его любили.
От двух страстей отречься
он не смог,
И даже на Елениной могиле.

Два милых имени, два стона,
два лица,
Как он писал: продлись
очарование.
Он вас воспел дыханием стиха,
Он вас обрек на вечное сиянье.

В. Нухаришин

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Все к лучшему, и даже эта боль,
Которая пройдет не очень скоро,
И наша затянущаяся ссора,
И то, что я сегодня не с тобой.
А я стараюсь обмануть себя,
Пытаясь доказать себе все это,
И не могу никак найти ответа:
Как может мне быть лучше без тебя?

Давай не будем верить гороскопам,
Которые пророчат нам беду.
Давай промчимся по земле галопом,
Из рук на время выпустив узду.
Пусть лошадь понесет, куда захочет,
Попробуем довериться судьбе.
Ведь все равно все выйдет, между прочим,
Так, как угодно ей, а не тебе.

Друзья, любовь... Эффект блесны,
А не попасться нелегко.
Мы любим тех, кто далеко,
И терпим тех, кто рядом с нами.
Далекие приходят снами,
А близкие уходят в сны.

РАССКАЗ

ЖУЛЬКИНЫ ПОХОРОНЫ

К. ПОПОВ

В семье Степана Петровича Березкина, бывшего лесничего, околела любимая болонка Жуля. Еще день назад она резво бегала, царапая коготками лакированный паркет их кооперативной квартиры, куда они перебрались в прошлом году из казенного жилья. Как животное оказалось запертым на ночь на кухне, где травил необычайно размножившихся в новом доме тараканов, они не помнили. Но наутро, открыв дверь, они увидели выползающую из-под стола издыхающую собачку. К обеду ее не стало.

Оплакивали Жулю навзрыд. Детей у хозяйки и его жены не было, и все свои неразрешенные чувства они отдавали своей любимице, которая прекрасно чувствовала свое положение и ловко его использовала. Впрочем, Степан Петрович, долго проработавший в лесу и видевший много всякого зверья, где-то в глубине души презирал этого маленького домашнего деспота, однако ни в чем не перечил супруге, души не чаявшей в этом существе.

— Бедняшка моя Жуленька, что мы без тебя будем делать, — причитала над трупиком, лежащем на коврик у стены в большой комнате, куда ее заботливо перенесли, подавленная неутешным горем женщина.

Глава семьи, как мог, поддерживал ее.
— Была хоть маленькая, но храбрая, незнакомых в дом не пускала, всегда облаивала.

— Какая ты была ласковая, хорошая. Чистюлька ты наша, ни одной блошки на тебе никогда не было, на двор всегда просилась. Кобелей всяких за собой не водила, — продолжала вспоминать Жулькины достоинства его супруга. — Как вспомню твои черные глаза, которыми ты на меня смотрела, так сердце кровью обливаюсь. Ты же у нас все-все понимала.

— Какая была игривая, — вторил жене Степан Петрович, — бывало схватит сапог, и ну его носить по комнате, потом спрячет. Мне на работу идти, а обуться не во что...

Он неожиданно замолчал, встретившись с взглядом супруги:

— Надо бы и похоронить ее по-настоящему, чтобы и на могилку можно было прийти, — заметила она, вытирая краешком платка выступившие слезы.

Степан Петрович, также проведя под глазами своим большим кулаком, молча отправился на кухню, где немедленно выпил в память Жульки стопку «Столичной» из графинчика, всегда находившегося в шкафчике и неизменно услужливо восполняемого дражайшей его супругой, за что он ей и благоволил. После этого он снял телефонную трубку и набрал номер племянника, единственного родственника, жившего в городе неподалеку.

— Коля, приходи ко мне, у нас большое горе, требуется твое участие.

Молодой человек, недавно вернувшийся из армии, вскоре пришел и увидел обмякших грустью дядю и его жену.

— Видишь, Коленька, нет нашей Жули, никто тебя не встречает, — припала тетя к

его груди и поведала страшную историю гибели своей питомицы. Стоявший позади Степан Петрович старался держаться по-мужски и лишь кивками головы поддерживал сбивчивый прерываемый ежесекундными слезами рассказ своей супруги.

Когда все немного успокоились, Степан Петрович взял мешок, положил в него бездыханное тело Жульки, осторожно приняв его из рук жены, в последний раз судорожно прижавшей собачку к себе, сходил на балкон и принес лопату. Уже на лестнице обернулся:

— Не волнуйся, место выберем хорошее, — пообещал он супруге.

Мужчины не спеша вышли из подъезда. Уже смеркалось. Направились они к ближайшему пустырю. Один нес за спиной мешок, другой держал в руках лопату. Когда прошли последние дома и дорожка заплеталась мимо кустов, Степан Петрович вдруг остановился.

— Какого черта мы с ней возимся? Хорони, закапывай, — было бы кого.

И с нескрываемым удивлением, запустив в мешок руку, за задние ноги вытащил Жульку. Размахнувшись пару раз, он с удивительной ловкостью забросил тело собачки в росший на пути кустарник.

— Вот там и лежи. Не все ли равно где. Николай, еще недавно видевший обмятого горем дядю, молча наблюдал за происходящим.

— Ничего, зато лишней работы делать не надо, — заметил Степан Петрович, перехватив его взгляд. — Пошли назад.

— А что тете скажем? Она ведь собиралась заглянуть на могилку.

— Какая могилка? Ее на улице просто прогулять не вытащишь. Уж я ее поди двадцать лет знаю.

И он решительно повернул в обратную сторону.

Дома, благодарная за последнюю заботу о своем четвероногом друге, хозяйка уже приготовила для племянника и мужа поминальный ужин, не забыв поставить на стол по такому случаю поллитровку, за которой Степан Петрович еще долго вспоминал незабвенную Жулю, описывая в каком зеленом уголке она успокоилась.

Проводив племянника, Степан Петрович отправился спать, оставив немного успокоившуюся жену на кухне домыывать посуду. А ночью ему почему-то все снилась большая белая собака, так похожая на Жулю, с черенком лопаты в зубах.

20 ВЕК

Как скучен наш неромантический век!
Как сер, невзрачен, сух и безразличен!
Как он до безобразия прагматичен!
Как быстро и нелепо он поблек!
Ушла античность, умер ренессанс,
Последний рыцарь пал в средневековье,
Три мушкетера, истекая кровью,
Исполнили прощальный реверанс.
Лежат на дне останки каравелл,
Нет ни карет, ни замков, ни дузлей,
И для того, чтоб выпить кружку эля,
Не нужно обладать запасом стрел.
Пред городами не возводят стен —
Они для самолета не преграда.
В развалинах могучая Эллада,
Разрушен неприступный Карфаген.
Повсюду спешка, давка, суета.
На смену красоте пришла практичность.
В холмском культе растворилась личность,
В пучине планов сгинула мечта.
Как измельчали радость и беда!
Как изменились многие понятия!
Что было срамом — стало благодатью,
Что было важным — нынче ерунда.
Как грустен век циничных болтунов,
Он поражает дикой дешевизной
И человеческих, и всех прочих жизней.
А, впрочем, в этом он отнюдь не нов.
Вот здесь как раз и кроется подвох.
Блеск единиц оплачен горем тысяч,
Которых можно хоть убить, хоть высечь —
И так оно в любую из эпох.

В. Анисимов

Земля моя, ты кровно мне родная,
Хранишь меня, как мать дитя хранит,
Ты добрая и щедрая такая —
Не знаю, как тебя благодарить.

Когда в крестьянстве — это в детстве было —
Работал вместе со своей семьей,
Ты вдоволь за труды меня кормила,
Я был твой пахарь, я твой сын родной.

Я вырос — в армию служить призвали,
Потом вливаюсь я в рабочий класс,
Но кровных уз с тобой мы не порвали,
Ты так заботливо всегда питала нас.

Затем война, страна под смертным градом,
Воюю с ненавистным я врагом,
Однако ты и тут со мною рядом,
Как птица-мать, хранишь птенца крылом.

Пойду ли в лес, на берег ли песчаный,
Я упаду, как матери, на грудь,
И от трудов, забот, сует, печалей
Могу душой и телом отдохнуть.

Ты для меня всегда везде защита,
Основа моего ты бытия,
Вся жизнь моя с тобой в едином слита,
И без тебя прожить не мыслю я.

Благодарю, безмерно уважая,
Всю красоту, что есть вокруг меня.
Тебе я низко кланяюсь, родная,
Кормилица и мать моя, земля!

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постов не много, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.